

ЭЛИТНАЯ ШКОЛА
СТРОГОГО РЕЖИМА

Аня Вьёри

Урок

для

МИЛЛИАРДЕРА

Срочно ищем папу

Аня Вьёри

**Урок для Миллиардера
или Срочно ищем папу**

«Автор»

2026

Вьёри А.

Урок для Миллиардера или Срочно ищем папу / А. Вьёри —
«Автор», 2026

– Ваша оценка, коллега?– Экспонента не равна нулю, производная положительна.– Хотите сказать, годится?– По крайней мере, не пустое множество. Две гениальные близняшки взломали школьную систему, сорвали отчетный концерт и решили, что я подхожу на роль мужа для их матери. И я бы посмеялся. Или даже восхитился. Если бы не узнал, что их мать та, кто сбежала от меня десять лет назад.

© Вьёри А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Аня Вьёри

Урок для Миллиардера или Срочно ищем папу

Аннотация

- Ваша оценка, коллега?
- Экспонента не равна нулю, производная положительна.
- Хотите сказать, годится?
- По крайней мере, не пустое множество.

Две гениальные близняшки взломали школьную систему, сорвали отчетный концерт и решили, что я подхожу на роль мужа для их матери.

И я бы посмеялся. Или даже восхитился.

Если бы не узнал, что их мать та, кто сбежала от меня десять лет назад.

.

Глава 1

Павел

– В рамках межпредметной коммуникации наша школа...

Я стискиваю зубы и изо всех сил пытаюсь не закатить глаза.

Черт! Кажется, даже мое тщательно отработанное выражение лица: «Говорите, говорите, я всегда зеваю, когда мне интересно» сейчас меня не спасет.

Хотя эта гримаса помогла мне выдержать сотни сложных совещаний, десятки советов директоров и одного безумно талантливого, но безумно нудного шведского программиста с голосом простывшего тюленя тоже выдержала.

А вот сейчас, кажется, ее ресурс исчерпан.

Как?

Как моя идея по подготовке одаренных детей могла превратиться вот в это?!

Завуч моей элитной школы стоит у кафедры, широко и уверенно, как линкор на рейде. Прическа – что-то среднее между рыцарским шлемом ордена тамплиеров и поздней Раневской.

Формы – тоже вполне монументальные. Жаль только, что на этом сходство с Фаиной Георгиевной заканчивается. Ни остроумия, ни хотя бы спасительного ироничного блеска, ни малейшего таланта, по крайней мере, педагогического, у этой... как ее... Ираиды Львовны я пока не заметил.

– Администрацией школы была проведена комплексная работа...

Я всматриваюсь в зал.

Высокий потолок, большие арочные окна, тяжелые вишневые портьеры – невольные свидетели всех школьных праздников и наградений. Кабинеты оборудованы по последнему слову техники. Но зал... Тут мощный проектор и современная аудиосистема. А в остальном – классика! Кажется, у меня был такой же... Кажется, у всех в стране был такой же!

Единственное, что я очень старался, чтобы ремонт был свежим. Всегда свежим. Никакой облупившейся со стен краски.

И ряды мягких кресел, обращенных на сцену. Сейчас они заполнены родителями. Первые ряды, не стесняясь, выставляют на показ брендовые сумочки и ультрадорогие телефоны. И попросту сияют, кивая каждому слову завучихи.

Черт!

Не об этом я мечтал. Не об этом.

Я хотел элитную школу для одаренных детей, а вышла... Вышла просто элитная... При чем в самом худшем смысле этого слова.

Хмурюсь.

– ...что позволило увеличить показатели вовлеченности обучающихся на двенадцать целых и семь десятых процента...

Увеличить показатели вовлеченности!

Нет, с этим надо что-то делать. Увы. Без личного вмешательства не выйдет. Хорошо, что я приехал в страну. А то в отчетах-то у них все было идеально. Вероятно, их эта самая завуч и писала.

Господи...

Я медленно выдыхаю и окидываю взглядом зал еще раз.

У детей лица как у приговоренных.

Ираида Львовна продолжает распинаться. Даже не для меня. Для первых рядов.

Кажется, она полностью уверена, что они в этой школе самые главные. Вот эти вот богатенькие родители, а не дети. Те дети, ради которых все затевалось.

Я еле сдерживаю желание стиснуть переносицу.

Скучная.

Завуч скучная. Речь у нее скучная. И даже презентация претендует на официальное средство от бессонницы... Нет! Надо прекращать это безобразие.

Набираю воздух в легкие, подаюсь вперед, чтобы встать и...

И тут по залу разносится тихий несмелый смех!

Ярки, умный и харизматичный Павел Умнов.

Миллиардер, сколотивший состояние своим умом и нестандартным мышлением.

Любит детей. Своих пока нет, поэтому решил позаботиться о чужих. Создал элитную школу для одаренных.

Вот только результат его пока не радует.

Или?

Радует?

Читаем дальше!

.

Глава 2

Павел

Волна пока еще смущенного хохота прокатывается по задним рядам.

По тем, кто не заглядывает в рот завучихе с парадно-выходным выражением лица, а реально думает и оценивает обстановку вокруг.

Я вдруг вижу чьего-то отца, спрятавшего усмешку в кулак. Вижу подрагивающие плечи пятиклашек в центре зала...

— ...внедрение новой системы позво... ли...

Ираида Львовна запинается, нервно оглядывает зал.

Первые ряды тоже суетятся. Неодобрительно поглядывают себе за спины...

Папаши в итальянских пиджаках, мамы с гладкими не по возрасту лбами... Сколько же в их взглядах осуждения! Аж радостно.

Слайд, согласно таймингу, меняется, и смех разносится с новой силой.

Я вдруг все понимаю, внимательно смотрю на экран!

Да, черт возьми! Да!

Кто это сделал? Памятник! Нет! Премия! Нет! Судя по стилю, пятерку и пирожок!

На картинке все те же столбики, что, вероятно, рисовала сама Ираида Львовна.

Только вот подписи...

«График замирания пятых классов, когда завуч идет мимо».

Вместо объявленной «Динамики вовлеченности...», слайд гласит:

«Скорость угасания интереса на уроках обществознания».

Ираида Львовна начинает нервно щелкать мышью, менять слайды, но...

«Коэффициент занудства администрации школы во время никому не нужных линеек».

Зеленые столбики честно и откровенно увеличиваются слева направо.

И это реально выглядит забавно.

Я, конечно, человек воспитанный, но улыбку сдержать уже не могу.

Следующая диаграмма называется:

«Вероятность того, что господин основатель уже мысленно сбежал через окно».

И здесь, должен признать, аналитики попали в точку с пугающей точностью.

В зале уже никто не сдерживается.

Смеются дети.

Давятся смехом некоторые родители.

Даже у Елены Степановны, моей тщательно выбранной, умной директрисы, лицо становится таким, будто она прямо сейчас выбирает между педагогическим долгом и естественным человеческим счастьем.

Ираида Львовна багровеет.

Я вижу это даже со спины.

Она еще надеется сохранить лицо.

Поворачивается к экрану вполоборота, явно не вчитываясь до конца, просто понимая, что происходит что-то вопиющее.

Потом улавливает смысл! Дергается! Закашливается!

И окончательно наливается тем сочным, опасным цветом, который бывает у людей перед маленьким, но очень искренним внутренним взрывом.

Я уже не скучаю.

Я, напротив, заинтересован.

Очень.

Потому что это явно сделал кто-то умный. Талантливый! Мыслящий нестандартно! Кто-то, для кого я и основывал эту школу!

Последний слайд появляется с торжественной неторопливостью приговора.

И зал взрывается.

Там – план школы. Схематичный, знакомый каждому ученику до последнего поворота.

От кабинета Ираиды Львовны по этажу и дальше, по коридорам, лестницам и рекреациям медленно расползается толстая красная линия.

Внизу подпись:

«Кратчайший безопасный маршрут к столовой в момент, когда завуч вышла из кабинета».

А чуть ниже, мелким шрифтом:

«Погрешность расчета: 2 секунды. Проверено на параллели 5 – 7 классов».

Вот тут смеются уже все.

Не улыбаются.

Не фыркают.

Не кашляют в кулак.

Ржут.

Откровенно, радостно, по-школьному неприлично.

Потому что это смешно именно тем, кто тут учится. Кто знает, с какой скоростью Ираида Львовна передвигается по коридору. Как внезапно возникает из-за угла. Как умеет ловить без вины виноватых возле столовой.

Это очень внутренняя, очень школьная, очень точная шутка.

И невероятно остроумная.

Я чувствую, как у меня предательски дергаются плечи.

Нет. Не сейчас.

Ираида Львовна медленно поворачивается к залу.

Дышит часто. Яростно. Ноздри дрожат. Пальцы, вцепившиеся в трибуну, побелели.

Она окидывает зрителей таким взглядом, которому позавидовал бы сам Рентген. И изобретатель томографии.

– Кто это сделал?!

Все молчат.

Я, признаться, тоже.

Хотя ответ знать также хочу.

И тут около боковых дверей происходит еле заметное движение.

Чья-то ярко-рыжая головка, вжатая в плечи, пытается выскользнуть.

Я стискиваю пальцы на подлокотниках. Невольно подаюсь вперед. Переживаю так, будто это финал чемпионата мира, а не побег с места интеллектуального преступления.

Давай.

Давай же!

Ну еще полметра...

Но нет.

О, черт!

Ираида видит.

Разворачивается с такой скоростью, какой я не предполагал с ее комплекцией, и, сорвавшись окончательно, почти визжит уже мимо микрофона:

– Петровы! Ко мне в кабинет! Немедленно!

Те самые Петровы.

Обаяшки, хулиганки, проказницы и... Два юных Геня.

Кажется, именно для таких Умнов и создавал свою школу.
Или даже не просто для таких, а именно для этих?
"Лица виноватые, а глаза ликующие!"

Глава 3

Павел

Конечно, я тоже хочу это видеть!

Чтобы я да пропустил это шоу?!

Ни-за-что!

Собственно, за все время моего пребывания тут это единственное достойное внимания событие.

Я же как раз таких и искал!

Умных, дерзких, мятежников!

Тех, у кого внутри зудит от идеи. Тех, кто способен свернуть гору просто ради того, чтобы проверить, что под ней. Мне нужны были дети, которые не вписывались в систему общешкольного образования. Именно они должны были получить шанс.

Я не понимаю, в какой момент моя великолепная Елена Степановна сдала позиции этой вот Ираиде Львовне.

Но я этого не позволю.

Я построил свою империю не фамилией, не нужными связями, не удачным браком и не красивой биографией для прессы.

Я построил ее мозгами.

Своими.

И школу я хотел сделать для таких же.

И вот я, несмотря на гневные взгляды пунцовой завучихи, уселся в кресле, закинул ногу на ногу, демонстрируя свои белые кроссовки...

Да, да. Кроссовки. Не итальянские ботинки. Хотя стоят столько же. Но в глазах этой монументальной ретгроградки надеть кроссовки – это практически преступление.

Ну да мне не важно. Я уже понял, что сейчас буду настаивать на ее почетном увольнении. Сразу после того, как разберусь с вот этими двумя ярко-рыжими особами!

Сижу напротив них и не могу отделаться от ощущения, что я их где-то видел.

Тоненькие такие, конопатенькие... Лица виноватые-виноватые! А глаза при этом ликующие.

Умные глаза. Яркие. Такие, которые не спрашивают разрешения, чтобы думать.

Директор бледная, Ираида – красная, а я даже не пытаюсь сдерживать довольную ухмылку.

– Вы! Опять! В который раз! – хрипит Ираида.

– В третий, – тихо подсказывает директриса.

Хотя могла бы этого и не делать. Завуч ее не слушает. Она вся взмокла, не может найти себе места. То рухнет в кресло, будто силы кончились, то нервно подскочит, сделав круг по кабинету.

– Девочки поступили в лицей по конкурсу, – подсовывает мне их досье Елена Степановна.

Ага!

Вот оно что!

Это не элитные детки элитных родителей. Не отпрыски тех, кто уверен, что счет в банке заменит талант.

Это наши! Конкурсные!

Малышки, попавшие в отбор, который мы устраиваем каждый год по обычным школам.

Несколько туров заданий. Очень нестандартных заданий на логику, мышление. Некоторые с ошибкой. Некоторые с абсурдным решением. Нам не нужен верный ответ. Мы хотим посмотреть способность мыслить!

Победителей зачисляем в лицей на полный пансион за счет учреждения.

И, значит, эти мелкие катастрофы прошли все самые строгие проверки?

Хм! Интересно!

Пытаюсь их рассмотреть, не отрываясь от личных дел.

Петровы Маша и Даша.

Отчества нет. Даже перепроверяю. Совсем нет. В копиях свидетельств о рождении – черк.

Ну что ж... Бывает всякое.

Хотя...

Петровы...

Знал я одну Петрову. Тоже, кстати, была рыжая.

И внутри прокатывает горячая волна лишь от одного воспоминания. Быстрая, как удар тока. Как молния в летнюю ночь. Яркая и почти такая же опасная.

Так! Стоп, Пашок!

Петровых нам тут и своих хватит. К чему еще одну вспоминать? Тем более тоже катастрофу.

К тому же та была лириком. На журфаке училась. А девочки, судя по досье и по выходке, однозначно математической направленности.

– Так, девочки, – откашливаюсь, окидывая их взглядом.

Ничего не могу с собой поделать. Нравятся они мне! Да и...

Люблю я безумно этот возраст! Когда разум еще не скован рамками, но уже вспыхнул и живет, жадно поглощая все, до чего может дотянуться...

Обе стоят перед нами с видом людей, которые, конечно, немного нашкодили, но в целом не видят в этом состава преступления.

И вдруг одна из них, та, что порезче, не глядя на сестру, едва заметно двигая одним уголком губ, произносит:

– Дэ игрек на дэ икс?

Вторая даже не поворачивает головы.

– Дэ икс на дэ игрек.

– Икс в третьей.

– Все равно помножено на ноль.

– За скобки вынесут.

– Эф от икс по одной второй синуса.

– Линейная функция.

– Введем экспоненту.

И вот тут я, кажется, окончательно перестаю скучать.

Потому что это не просто шепот.

Это шифр.

Ираида Львовна, разумеется, ничего не слышит. Вернее, слышит звуки, но не понимает смысла. А девочки, между прочим, уже весь ближайший расклад просчитали.

«Дэ игрек на дэ икс?»

Накосячили. Взрывной рост.

«Дэ икс на дэ игрек».

Ничего подобного. Никаких резких изменений.

«Икс в третьей».

Поймали уже в третий раз.

«Все равно ноль».

Все равно ничего не будет.

«За скобки вынесут».

Ну, может, исключат.

«Эф от икс по одной второй синуса».

Эф от икс?..

Мама, конечно!

«Линейная функция?»

Будет скучно.

«Введем экспоненту».

Черт, я даже боюсь представить, что они под этим подразумевают!

Два маленьких гения! Математика – их жизнь, их язык, их суть!

Они даже думают формулами.

Красиво.

Очень красиво.

– Экспонента, – произношу я спокойно, – никогда не равна нулю при любом действительном икс.

Невольно чувствую почти профессиональное удовольствие.

Обе головы синхронно поворачиваются ко мне.

Вот теперь можно продолжать.

– А если уравнение квадратное, то эф от икс не по одной второй синуса, а по минус одной второй. С последующим усложнением функции.

И наслаждаюсь эффектом.

Потому что девчонки распахивают глаза одинаково.

И рты приоткрывают одинаково.

И даже моргают в один такт.

– Основа всегда в плюсе, – первой приходит в себя та, что побойчее.

Смотрит на меня воинственно. Почти с вызовом.

– Даже когда два игрек? – хмыкаю я.

Притихли.

Та из близняшек, что помягче, аж носом шмыгнула.

Угу.

Вне школы они, похоже, пока не безобразничали.

Вдруг понимаю, что в кабинете тишина.

Елена Степановна и Ираида сидят с такими же широко распахнутыми глазами.

И даже секретарша замерла со стаканом воды в руке.

Господи, вы вообще-то работаете в элитном математическом лицее!

Что, правда, так сложно расшифровать примитивный код двух одиннадцатилетних заговориц?

– Так, – откашливаюсь. – Я хочу подробно изучить дела девочек, – кидаю на стол тоненькую подшивку, содержащую только анкетные данные. – Мне нужна успеваемость, выполненные проекты, выигранные олимпиады и конкурсы.

Их не мало. Я в этом уверен. У таких-то умов.

– И, – критически смотрю на имя матери, вписанное в графу «родители», – я бы хотел пообщаться с этой... Петровой О. Ю.

– А вот с этим, кхм, – как-то двусмысленно откашливается директриса, – будут сложности.

.

Глава 4

Олеся

«Его руки скользили...»

ТЬфу! Почему скользили-то?

Она что, змея что ли? Или болеет?

«Его руки ласкали...»

Не... Стоп... До «ласкали» еще рано...

«Его руки...»

Да черт возьми!

Чего это он вообще тут руки распускает!

«Его взгляд...»

Вот... Да! Так лучше...

«Его взгляд медленно, мучительно медленно поднимался вверх по ее фигуре, впитывая каждую линию, каждый изгиб, каждую трепетную тень. И когда этот путь был пройден до конца, в его глазах уже не осталось ничего, кроме чистого, светлого восхищения – почти благоговения. В эту секунду он ее боготворил».

Да! Точно! Бинго! Вышло!

А то ишь! Руки распустил тут!

Уф-ф-ф-ф!

Довольная, откидываюсь на спинку кресла.

Черт!

Оно новое, модное, с анатомической поддержкой.

Только вот все равно дико болит поясница, а шею ломит так, будто я не за ноутбуком сидела, а мешки с цементом таскала.

Морщусь, скривившись от боли, тру онемевшие мышцы, как вдруг!..

Телефон!

Не. Не звонит. Фиг два ты мне зазвонишь.

Когда я работаю –а работаю я всегда, – звук на телефоне выключен.

Но включен режим подсветки.

То есть в данный конкретный момент мой телефон возомнил, что он на дискотеке девяностых. Он дергается, подпрыгивает и отсвечивает в разные стороны, как зеркальный шар.

Шумно выдыхаю, тянусь за трубкой, попутно пытаюсь понять, какой сейчас час.

Не утро. Это точно. Утро уже было. Я кормила девочек и заказывала им такси до школы.

Было?

Было! Вот в абонементе такси галочка стоит. Значит, заказывала.

И не вечер. Вечером девочки дома. Люблю это время, но рядом с ними совершенно невозможно работать.

А я работаю. Значит, не вечер.

То есть день.

За окном же светло, и мы ни разу не в Питере.

Значит, день.

Мысли эти проносятся в моей голове за доли секунды. Как раз пока я смотрю на имя звонящего, закатываю глаза, фыркаю и все же принимаю входящий звонок.

– Здравствуйте, Ираида Львовна! – стараюсь вложить в свой голос весь елей, на который способна.

Завуч этого волшебного образовательного учреждения была именно той причиной, по которой я не соглашалась девчонок туда отдать.

Я просто чувствовала, что от нее будут вечные неприятности.

А что-что, а чувствовать я умею.

Сильно.

Глубоко.

И герои мои такие же.

Эмоции я передаю так, что все мои читатели тоже чувствуют. Все, что я хочу.

Да, я писатель.

Сентиментальный женский роман.

Кто-то скажет – пошло, а я грустно вздохну и пойду подпишу еще один контракт с крупным издательством.

Мои истории нравятся читателям. Всем тем, кому в жизни не хватает доброты, любви и счастливого финала любых неприятностей.

Благодаря своим героям я заработала на квартиру, обеспечиваю своих девчонок всем, что им надо.

Выбора у меня особого нет. Я с ними одна. Папаша их умотал в свою упорядоченную математическую жизнь. Я для него была слишком безалаберна и безответственна.

И вот для Ираиды тоже.

Вечно ей что-то не нравится.

– Олеся Юрьевна, здравствуйте! – голос у завуча такой, будто она уже лично составила на меня донос в четыре инстанции и теперь просто выбирает, в какую отправить первой. – Ваши девочки опять напроказничали.

Опять.

Какое милое слово.

Емкое.

Универсальное.

Красноречивое.

– Что случилось, Ираида Львовна?

Разговор этот мне не нравится, но я стараюсь быть вежливой.

В конце концов, она педагог. Уважать педагогов надо. Сжимаю зубы и еще раз сама себе повторяю: «Надо!»

– Боюсь, на словах я не смогу передать! Вам необходимо явиться в школу. Сейчас! – почти чеканит она.

В смысле «сейчас»? Сейчас у меня герой ведет себя так, будто это не я его придумала, а он меня! И грозит, собака такая, сломать мне всю композицию. А мне, между прочим, до пятницы – будем честны, до воскресенья! – нужно сдать текст в издательство!

– О, – почти самопроизвольно вырывается у меня из груди, – Ираида Львовна, сейчас никак не могу. Можно в понедельник? Вторник? Когда вам удобно на следующей неделе, но сейчас никак не могу! – почти пишу я, неосознанно прижимая свободную руку к груди.

– Олеся Юрьевна! – тоном разъяренного гестаповца выплевывает в трубку Ираида. – Похоже, у вас совершенно нет времени, чтобы участвовать в жизни девочек! Мне кажется, – она тут явно набирает в грудь воздуха, – это повод обратиться в опеку!

О-па!

Я аж с кресла вскочила.

– На каком основании?! – возмущенно вопрошаю я.

Не надо мне тут угрожать самым для меня важным.

Мои девочки любимы, я о них забочусь, одеваю, кормлю, учу...

Ладно, учат они в основном себя сами, но...

Черт возьми, что за нахальство?

– Ираида Львовна, – совсем уже другим тоном требую я, – назовите мне хоть один признак, по которому я нарушаю права ребенка или не выполняю свои обязанности!

А в трубке раздается лишь яростное сопение.

– Они систематически устраивают бедлам в школе... – начинает она.

– Так, может, это дело в школе? – иду в нападение я.

Нечего мне тут угрожать девочек отобрать. Мы и сами с усами. Точнее, с зубами.

– Я обращаюсь в комиссию по делам несовершеннолетних! – взвизгивает Ираида.

Ух ты! Похоже, девчонки реально ее довели!

– Ираида Львовна, – чуть сбавляю обороты я, – что конкретно натворили девочки?

– Они сорвали мою отчетную презентацию!

Что?

Презентацию?

Всего-то!

И вот за это опеку и КДН?

– Простите! – мой голос вибрирует от еле сдерживаемой злости. – А это уголовное или административное нарушение?

– Да вы!.. Да я!.. Да... – срывается завучиха. – Мы их отчислим! – выкрикивает она в запале.

И тут...

Я слышу уверенный, твердый и отчего-то мучительно знакомый мужской голос.

– Стоп! Нет!

.

Глава 5

Павел

– Стоп! Нет!

Произношу, кажется, даже негромко.

Но Ираида Львовна отчего-то осекается.

И Елена Степановна тоже.

В кабинете будто что-то лопается – беззвучно, но так, что все сразу понимают: произошло нечто важное. Просто еще никто не успел сообразить, что именно.

– Вы осознали? – завуч смотрит на меня с раздражением.

Не с испугом. Не с растерянностью. Именно с раздражением. Как на серьезную помеху, внезапно возникшую на ее привычной траектории.

Она взбешена до пунцовых щек, до раздувающихся ноздрей, до пальцев, впившихся в столешницу.

– Вы осознали, что вмешиваетесь в педагогический процесс?

Спрашивает так, будто я сейчас должен немедленно покаяться и тихо выйти вон.

М-да.

Интересно, насколько хорошо она сама понимает, с кем именно разговаривает?

– Елена Степановна, – я демонстративно отворачиваюсь от Ираиды Львовны и говорю именно с тем, с кем и должен говорить.

С директором, которого я нанимал.

И как раз с нее я спрошу, почему одну из ведущих должностей в школе занимает абсолютно профнепригодная особа.

– Вы, кажется, не вполне себе представляете масштаб проблемы! – повышая голос, продолжает Ираида Львовна. – Девочки далеко не первый раз...

– Елена Степановна, – теперь и я повышаю голос, но совсем чуть-чуть.

Ровно настолько, чтобы стало ясно: еще одно слово не по адресу – и разговор закончится для кого-то очень неприятно.

Директриса заметно бледнеет.

Глаза расширены. Пальцы судорожно легли на записную книжку.

Она все поняла.

Просто пока не знает, как обойти эту административную выходку без жертв и разрушений.

– Павел Андреевич... – дергается она.

– Будьте добры! – произношу я с подчеркнутой вежливостью.

Этого оказывается достаточно.

Ираида Львовна к своему ужасу понимает, что промахнулась. Что я не собираюсь подчиняться ее тону, авторитету и педагогическому напору. Что я вообще не из тех, на кого можно надавить формулировкой «так не положено».

Она несколько мгновений удивленно смотрит на директрису, потом рвано выдыхает и тяжело оседает на стул.

А я перевожу взгляд на девочек.

Они стоят, стиснув ладони друг друга. Глаза распахнуты одинаково широко. Губы сжаты. Напряжены до звона.

О да... Такого спектакля они явно еще не видели.

И, кажется, как и Елена Степановна, они вполне осознали, что тут произошло. Несмотря на свой юный возраст.

Только вот не для них такие разборки. Совсем не для них. Надо закрыть их вопросы, а по поводу кадров с Еленой Степановной поговорю позже.

– Так, по девочкам, – я быстро перевожу разговор из дисциплинарных плоскостей в педагогические. – Кто у них преподает алгебру, логику и информатику?

– У нас математические дисциплины преподает Ежова... – часто-часто моргая глазами, начинает Елена Степановна. – Логика в их параллели пока нет. Информатика обзорная.

– Девочкам этого явно недостаточно, – поджимаю губы, – раз уж они «неоднократно и систематически»... – красноречиво смотрю на Ираиду Львовну. – Значит, их мозгу попросту не хватает нагрузки. Нужен педагог. Персональный. Именно для них. Сильный математик, готовый к нестандартным задачам.

Ираида Львовна, слушая мою речь, бледнеет.

Девочки восхищенно распахивают рты.

Умнички.

За интеллект не наказывают. Его развивают. Но придется постараться!

– Персональные проекты! На университетском уровне, – смотрю я на них испытующе. – Хотите каждой свой или один на двоих? – прищуриваюсь.

Девчонки переглядываются. Делают быстрое движение губами. Еще теснее прижимаются друг к другу плечами.

– Один на двоих! – выпаливает та, что чуть бойчее.

– Тогда два проекта! – произношу я безапелляционно.

И на этих конопатых мордашках расплываются довольные улыбки.

У меня от этого зрелища что-то теплое и очень давнее вдруг шевелится под ребрами.

Вот они.

Те самые.

Жадные до знания. До смыслов. До жизни.

Ради таких я и затевал вот это все. Ради таких я готов на невозможное.

Елена Степановна тут же садится за свой компьютер, быстро-быстро щелкает мышью...

– Я... – начинает она. – Я подумаю, кто может вынести такую нагрузку...

– Никто! – вдруг вскидывает голову Ираида Львовна. – Никто из наших педагогов не сможет их вынести!

Я смотрю на нее и медленно улыбаюсь.

Очень спокойно.

Очень нехорошо.

– Отлично, – произношу почти ласково. – Тогда я буду вести их сам.

.

Глава 6

Олеся

«И жили они долго и...»

– МА-А-АМ!

Сначала бабахает входная дверь. Именно бабахает, а не хлопает и уж тем более не закрывается нормально.

Потом с глухим, тяжелым шлепком падают два рюкзака.

– Три, два, один... – бормочу себе под нос.

– Мам! – два моих рыжих урагана влетают в мою спальню-гостиную-кабинет.

– Ты представляешь!..

– Мы всего-то!..

– А она!..

– А он!..

– А мы!..

– И потом!..

– Так! Стоп, стоп, стоп... СТОП!

Последнее «стоп» я уже кричу.

Увы, иначе утихомирить девчонок невозможно.

Замирают, мои звезды.

Одинаково взъерошенные. Одинаково раскрасневшиеся. Одинаково сияющие так, будто не из школы приехали, а как минимум из удачного степного набега вернулись.

Интересно, татары бывают рыжие?

– Ма-ам! – Даша тут же забирается ко мне на колени. – Ты только не ругайся!

– Нет, ты сначала выслушай! – Маша обвивает меня руками за шею. – Там такое было!

Вот это «там такое было» мне как матери категорически не нравится.

Никогда.

Ни в какой формулировке.

Но, увы, слышу я его часто.

– Так, – медленно говорю я, откатываясь от ноутбука. – По очереди. Надеюсь, обошлось без жертв, пожаров и вызова полиции.

Девочки переглядываются.

– Жертв не было, – аккуратно уточняет Маша.

– Пожара тоже, – быстро добавляет Даша.

– А полиции? – прищуриваюсь я.

Они обе на секунду задумываются.

– Вроде нет, – неуверенно говорит Маша.

– Если только Ираида не додумается написать, – тихо уточняет Даша.

Я тяжело вздыхаю и закатываю глаза.

– Да нет, мам! Все хорошо! – радостно спрыгивает с меня Даша.

Как обычно, хватает сестру за руку, и вот после этого, перебивая друг друга и размахивая руками, как две маленькие ветряные мельницы, они выкладывают мне все.

Про презентацию:

– Она из-за этой презентации нам окружайку отменила, мам! А эта Ираида еще нас у столовой отловила!

Про актовый зал:

– Ты бы видела, как там все хохотали!

Про кабинет директора:

– А Ираида такая: «Отчислю!», а он такой: «Нет!»
Про то, как Ираида Львовна покраснела до цвета аварийной кнопки.
Про директора.
И снова про то, как он сказал.
Как он посмотрел.
Как он вообще-то оказался нормальный.
Вот на этом месте я уже хмурюсь.
Сильно.
Потому что загадочное «он» в их исполнении звучит подозрительно часто.
– Так, давайте еще раз и медленнее. Кто такой «он»? – спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.
– Владелец, – тут же отвечает Даша.
– Основатель! – поддакивает Маша.
– Павел Андреевич, – выпаливают почти в один голос.
– Он сказал, что нам нужен тьютор! – вдохновенно добавляет Маша.
– И проекты! – подхватывает Даша. – Настоящие! Не детские!
– И еще он Ираиду посадил, – очень серьезно сообщает Маша. – Прямо вот так.
И она вскидывает подбородок.
Надо признать, изображает убедительно.
– И еще... – Даша вдруг сияет так, что мне заранее не нравится продолжение. – Он будет вести нас сам!
Я молчу.
Очень выразительно молчу.
Так, что девочки чуть притормаживают, смущаются и переглядываются.
Потом Даша, почувствовав, что взрослый мир может не оценить масштаб их счастья, быстро лезет в карман рюкзака.
– И вот!
На стол передо мной ложится прозрачный уголок с бумагами.
– Это что? – уточняю я.
– Это тебе подписать!
И вот тут внутри у меня неприятно екает.
Ох, чувствовала я, что добром для нас эта школа не кончится!
– Так, – беру бумаги в руки, – переодеться, мыть руки. Сейчас будем ужинать.
Пока девчонки убегают в свою комнату, я вытаскиваю из уголка листы.
Первым идут какие-то заявления, в которые я пока не вчитываюсь.
Потом распечатанный комментарий:
«С понедельника такого-то числа ваши дочери, Мария и Дарья Петровы, будут переведены на индивидуальную программу обучения.
Просим вас ознакомиться с предварительным учебным планом и дать согласие на увеличение академических часов.
Также для девочек предусмотрены поездки. О цели, месте и дате поездки вам будет сообщено заранее.
Все расходы на трансфер, а также на дополнительное питание школа берет на себя.
Мы рассчитываем на ваше содействие.
С уважением, педколлектив лицея имени...»
И подпись Елены Степановны.
А дальше, самым последним листом, короткая записка. От руки.
Почерк мужской. Убористый. Мелкий и упрямый.

Человек, который так пишет, не отступает. Не мнется. Не ищет, где бы обойти угол. Он идет напролом, пока не получит свое.

– Мам! – доносится из кухни.

Я встряхиваю волосами, тру глаза, стискиваю пальцами переносицу.

– Сейчас иду! – отзываюсь и принимаюсь читать.

«Уважаемая Олеся Юрьевна!

Нам обязательно надо познакомиться лично. Назначьте встречу в удобное для вас время. Чем раньше, тем лучше».

И ниже – размашистая роспись.

Не фамилия. Не имя. Даже не инициалы.

Просто роспись.

Ну надо же, какое самомнение!

Но дело даже не в этом.

Что-то в записке не так.

Что-то цепляет.

Что-то царапает изнутри.

Я снова опускаю глаза в лист.

Медленно.

Уже не вчитываясь в смысл.

Просто смотрю.

На наклон букв.

На резкие «т».

На то, как он пишет «д».

На длинные, уверенные росчерки в конце слов.

И вдруг у меня холодеют пальцы.

Почерк.

Вот что.

Не текст.

Не предложение.

Почерк.

Я человек текста.

Я замечаю слова. Ритм. Интонацию. И да, почерк тоже.

Я уже где-то это видела.

Не просто похожее.

Нет.

Именно это.

Эту резкость.

Эту уверенность.

Эту привычку не писать – врезать мысль в бумагу.

Только вот где?

Я брала у кого-то интервью?

Или...

Нет.

Кто-то из университетской жизни?

Преподаватель?

Отрываю взгляд от бумаги и вижу две пары карих глаз, уставившихся на меня с такой тревогой, будто я сейчас решаю не вопрос учебной нагрузки, а их дальнейшую судьбу.

– Мам? – тихонько произносит Даша.

Она так волнуется, что ее почти не слышно.

А Машутка, похоже, вообще не может ни слова из себя выдавить.

– Мам, ты же согласишься?

Да солнышки вы мои!

Как вы в эту школу пробивались! Как экзамены сдавали! Как ждали результатов!

– Конечно, соглашусь! – я тут же присаживаюсь и распахиваю руки. – Конечно, мои зайки!

Они обе бросаются ко мне, а я прижимаю их к груди.

– Я бы, конечно, очень хотела, чтобы вы у меня были двумя тихими домоседками, – щекочу их кончиком носа, – только я же знаю, как много это для вас значит.

Девочки расслабляются и повисают у меня на шее.

А я, выглядывая из-за их затылков, снова всматриваюсь в эту роспись.

Знаю...

Я его знаю...

Собиралась в школу в понедельник.

Надо идти.

.

Глава 7

Маша

– Сразу к Умнову или в класс? – я скидываю с себя рюкзак и, неловко ковыряясь замерзшими пальцами, расстегиваю любимый ярко-розовый дождевик.

Мама подарила. С какой-то волшебной ярмарки привезла. Ручная работа, уникальная роспись по ткани. Он такой один в целом свете!

У Даши тоже розовый. Но рисунок другой. Мама любит говорить, что мы очень похожи, но на самом деле совсем разные.

– Конечно, к нему! – Даша уже разделась, достала сменку.

– Что? В учительскую? – от мысли, что надо появиться на глаза учителям, мне становится не по себе.

Я их в принципе боюсь. А уж после нашей вчерашней выходки...

Тянусь за своим мешком с обувью, скидываю сапожки.

Утром был дождь.

Запах влажных курток наполняет раздевалку. Вокруг суета, недовольное ворчание, возгласы: «Убери свой дурацкий портфель!»

Обычное утро. Почти обычное. Если не считать, что нас с сестрой переполняет волшебное предвкушение чего-то нового, очень важного, очень интересного.

– Да нет, – встряхивает волосами Дашка. – Наверное, он у директора!

Округляю глаза и опускаюсь на корточки, чтобы переобуться.

Идти в кабинет директора мне хочется еще меньше, чем в учительскую.

Но Павла Андреевича найти надо. Надо же? Или он сам...

Погруженная в свои мысли, резко выпрямляюсь и...

– Смотри, куда лезешь, корова рыжая!

О, черт!

Лизка.

– Сама смотри! – это Даша.

Она всегда меня защищает. Потому что с Лизкой я справиться не могу. Мне кажется, вообще ни с кем не могу.

– А ты чего встречаешь? У нее языка нет? – Лизонька Краснова уперла руки в бока, выпятила подбородок.

Удивительно, даже в такой омерзительной позе хоть сейчас фотографируй и в соцсети выкладывай.

Светлые локоны в хвостиках, концы подкручены, губы какие-то очень блестящие, ресницы очень черные...

И вот ни снег, ни дождь же ей ничего не делает!

Звезда! Мерзкая, заносчивая, отвратительная зазнайка! И свита таких же вокруг нее. Готовых смеяться по сигналу.

– Есть у меня язык, – отзываюсь тихо.

Очень хочется унять дрожь в голосе, но выходит плохо.

По привычке ищу Дашину ладонь, только она слишком далеко стоит. И я вдруг чувствую себя такой одинокой. Такой слабой.

– Я просто спешила! – мямлю. – У нас сегодня...

И я хочу сказать, что у нас сегодня очень важный день, но...

Не успеваю.

Лизонька опускает взгляд, кривится:

– Что спешила? Первой общие туфли надеть?

Что? Да как она смеет? Не всем же быть депутатскими дочками! Наша мама... Наша мама...

И тут Дашка не выдерживает.

– Ты дура! – подскакивает ко мне она. – У нас две пары туфель!

– А! – картинно прикладывает пальчики к губам Лизонька. – Они одинаковые! Я думала, у вашей мамочки нет денег, она же у вас совсем одна, бедняжка, – закатывает глаза Краснова.

– А у нее нет фантазии! Писатель без фантазии – какая трагедия!

– Краснова! – Дашка срывается вперед.

А я...

Я чувствую, что сейчас разревусь.

Мамочка у нас совсем одна...

Папы нет.

Это не Лизкино дело, но папы у нас действительно нет.

И мама сама говорит, что все ее книги про одно и то же...

И тут мне вдруг становится так стыдно! И обидно!

Блин! Я дура! Уже ж реву! Точно как корова! Точно как Лизка меня назвала!

Вот так и выходит!

Дура я! И рева-корова!

Срываюсь с места и лечу, сломя голову.

Быстрее! Дальше! Сбежать! Чтобы не видели! Не слышали! Не нашли... Не...

.

Даша

Сейчас я ей!..

Я уже стиснула кулаки, уже сцепила зубы.

Ну и пусть отчислят! Ну и пусть маме... Ее и так вызывали. Сейчас я эту козу накрашенную...

Только вот... Что-то больно екает в груди! Резко оборачиваюсь и вижу убегающую сестру.

– Маша!

Лизка хохочет в голос. Катька, Лерка и Варька так же мерзко ей вторят, указывая на Машу пальцами.

Дуры!

Просто дуры.

– Маша!

Бросаю этих недоделанных и срываюсь следом за своей младшей!

Вот куда она?

Сейчас же разревется!

А потом заболит!

Она такая! Она может! Три дня будет с температурой лежать!

А у нас Умнов. А у нас...

Да где же... Маша?

Несусь в класс...

Почти пустой. Только Валька и Федька стулья опускают, да Иринка Агулова в портфеле возится.

– Машу не видели? – выпаливаю на выдохе.

– А? – кривится Валька.

Он медленный.

Тормоз, проще говоря. Но умный. Наверное. Только тормоз.

Думаю об этом уже на бегу.

Зона отдыха?

Тут есть диван за фикусом.

Пусто, блин!

Ну где же? Машка?

До звонка десять минут.

Ну елки-палки!

А! Знаю!

Второй этаж! Лестница на чердак! Пожарный выход!

– Маша!

Стена тут серая, давно не крашенная. Угол пыльный. Но...

Ровно тут за лестницей каким-то образом забытое большое полукруглое окно!

Наверное, раньше тут шел коридор, а потом что-то переделывали и впихнули ступеньки. А окно закладывать не стали. Так и осталось оно – забытое, немного обшарпанное, но безумно красивое.

А главное – тихое.

Подоконник там широкий, старый, не пластиковый, а деревянный. Растрескавшийся и много раз покрашенный краской. На нем можно сидеть, подтянув колени к груди, и смотреть во двор. Окно это выходит на детскую площадку для первоклашек. Появляются они на ней ближе к обеду, после четвертого урока, а до того там спокойно себе скачут птицы и слоняются ленивые, откормленные в столовой кошки.

Тут можно сидеть хоть весь урок. Сидеть и просто смотреть вдаль. И кажется, что и школа, и контрольные, и Лизоньки со своими гадостями существуют где-то очень далеко.

– Маш! – я забираюсь с ногами на окно, чуть пододвигая сестру. – Маш, ну ты чего?!

Она сидит, сжавшись комочком. Колени свои обхватила.

– Маш, ну она же дура!

– Это я дура! – скривив рот, воет Машка. – И корова.

– Маш! – толкаю ее в плечо, разозлившись. – Вот если ты ей веришь, то и правда дура!

– Ты видела она какая?

– Какая? Расфуфыренная кривляка! Вот какая!

– Нет, Даш! – всхлипывает Машка, размазывая сопли по щекам. – Она тут хозяйка! Она богатая!

– Зато ж мы умные! – уже почти злюсь.

– Где мы умные? – всхлипывает Машка, и тут я понимаю, что дело худо – она вся уже дрожит, если сейчас еще и икать начнет, то вообще – пиши пропало! – Нас чуть не отчислили, Даш, а Лизонька у нас первая в рейтинге класса!

– Ну... – задумчиво шурю. – Это мы можем поправить!

И Машка, которая прекрасно знает этот мой взгляд, вдруг замолкает и широко распахивает глаза.

– Даша, ты же не станешь...

– Тс-с-с-с! – толкаю ее в бок!

Потому что ровно в эту секунду из-за ступенек выползает Аристарх Тихомиров.

– Девчонки, – ноет он, не скрывая того, что запыхался. – Скажите, что у вас там по два завтрака! Потому что если это вот учебники такие тяжелые, то это же просто безбожно!

Он картинно согнулся под тяжестью трех портфелей. Одного своего и двух наших. Блин, точно! Мы же так и бросили их в раздевалке!

Хорошо, что у нас есть Аристарх!

– Сташенька! – спрыгиваю с подоконника поближе к этому замечательному конопатому толстячку. – Сташенька, ты же нам поможешь?

Аристарх, который, вообще-то, тоже в лицей попал не за деньги родителей, а по отбору, хмурится, переводит взгляд со сладко улыбающейся меня на зареванную Машку, тяжело вздыхает и обреченно произносит:

– А у меня что, есть выбор?

– Нет! – восклицаю я довольно. – Маша, пошли, – тяну сестру с подоконника вниз. – Стах, дотащи портфели до класса, пожалуйста. А то они тяжелые.

И, совершенно уверенная, что наш верный оруженосец выполнит мою просьбу, иду по коридору, гордо вскинув подбородок.

Я только что придумала совершенно невероятную штуку! И пусть только попробуют меня поймать!

.

Глава 8

Павел

– Кем бы она ни работала, она прежде всего мать!

Я подношу к губам чашку обжигающего черного кофе, заботливо сваренного тетушкой.

– Какое многозначительное заявление, – отзывается она с такой язвительной невинностью, что кофе сразу кажется крепче.

– Хочешь сказать, я не прав? – смотрю на нее с вызовом.

– Нет-нет, – тетушка пожимает плечами, на секунду натягивая на себя выражение «сама кротость». – Ты, конечно, прав. Только... – она делает паузу, и вся напускная покорность осыпается с нее, как цвет с яблони к июню. – Только, если я правильно понимаю, помимо того, что она мать, она у них еще прачка, повариха, уборщица и главный добытчик в семье, – заканчивает она невозмутимо и, отставив мизинец, делает глоток.

– Какая она мать, если выбрала карьеру? – морщусь я.

– Нормальная, – отрезает тетка. – Вменяемая.

– Ну вот ты же, – хмыкаю, – не стала смешивать карьеру и семью.

– Мне просто не попался мужчина умнее меня, – она смотрит на меня с безупречным высокомерием. – А с идиотами вне постели скучно.

Я закатываю глаза.

Да уж.

На это и правда трудно что-то ответить.

Эмилия Робертовна Умнова вообще человек особый. В молодости защитила докторскую в двадцать семь лет. Нонсенс. Почти мифология.

А потом, вняв просьбам моего отца, оставила университет и села дома.

Со мной.

– Все равно я считаю, что женщина, если рождает, должна в первую очередь думать о детях, а не о карьере.

– Это ты Илоне своей скажи, – кривится тетя. – Та вот точно ни о какой карьере не думает. О детях, правда, тоже.

– Теть, – вздыхаю обессиленно.

Илона ей не нравится.

Даже не пойму почему.

Моя невеста умна, хорошо образована, красива, почти не амбициозна. Готова стать госпожой Умновой и сопровождать меня в моих делах.

Вот только насчет детей тетя попала в точку.

Детей Илона не хочет.

Нет, говорит-то она, конечно, обратное. Я детей хочу, и Илона, прекрасно это видя, моментально растекается сладкой патокой возле любого младенца, если тот попался где-нибудь в торговом центре.

Но я не дурак.

Я вижу, что это напускное.

И если честно, именно это меня и настораживает. Она так хочет за меня замуж, что готова родить без всякого желания?

Это не любовь.

Да и в любовь я после той рыжей бестии из института, если честно, верю неохотно.

Точнее, верю.

Но больше не хочу.

Слишком тяжело потом было.

Слишком долго.

Поэтому расчет меня, в сущности, устраивает. Но расчет должен быть прозрачным. Я не согласен на неизвестные переменные.

Вот когда я пойму, что именно движет Илоной, тогда и решу вопрос с датой свадьбы.

А пока мы помолвлены.

Что, в общем, устраивает нас обоих.

– Ладно, мне пора.

Поднимаюсь и целую тетушку мимоходом.

– Пойду развлекусь с отпрысками твоей любимой Опушкиной.

– Пушкиной, – высокомерно поправляет она.

– Да все равно, – отмахиваюсь я. – Не понимаю, как ты это читаешь.

– Ты недооцениваешь женский роман, – произносит тетушка с пафосом, достойным кафедры и кафедрального собора одновременно. – Почитал бы – лучше бы женщин понимал.

– Сомневаюсь, – бурчу я, поправляя пиджак перед зеркалом. – Ладно. У меня встреча, потом поеду в лицей.

– Хорошего тебе дня, – она отряхивает с моего плеча несуществующую пылинку. – Ум оценивай головой, а доброту – сердцем. Главное, не перепутай.

И подталкивает меня к выходу так же, как делала это почти каждое утро лет двадцать подряд.

Встреча проходит мимо меня почти целиком.

Я с трудом удерживаю нить разговора, то и дело одергивая себя: слушать надо собеседника, а не думать о лице.

Конечно, все это можно назвать кадровым голодом.

Я очень грамотно замаскировал желание иметь детей под стратегическую задачу корпорации.

В какой-то момент нам действительно стало не хватать молодых программистов. Я начал финансировать отдельный факультет в университете. Через два года выяснилось, что уровень поступающих студентов – удручающе низкий.

Даже у тех, кто хочет и может учиться.

Тогда я учредил целую серию олимпиад.

Несколько лет выплачивал гранты учителям и сильнейшим ученикам.

Основание собственного лица стало как будто логичным продолжением этой работы.

Мне просто нужны были умные кадры.

Вот только один вопрос не дает покоя: почему я с таким удовольствием еду возиться с детьми?

Или не с детьми вообще, а с двумя конкретными?

С этими близняшками?

Я еду и продумываю, как построю разговор с ними, как подведу их к теме проектов, как выстрою логику...

Уже поднимаюсь по ступенькам, направляясь в учительскую.

Передо мной толпа ребятишек. Они все заинтересованно смотрят на экран, на котором обычно демонстрируется расписание.

Их много, они все разные и по-своему замечательные. Но думаю я о тех двоих.

Я хочу, чтобы они как будто сами выбрали себе темы. Конечно, я их направлю, но они должны решить сами. Загореться! Захотеть! Решиться! Только тогда будет прорыв, только тогда они взлетят в...

Черт возьми!

Рейтинг!

На экране в коридоре демонстрируется не расписание, а рейтинг школы!

И вся толпа детей оживленно гудит, еле сдерживая довольный смех.

Я смотрю на экран и понимаю. Чутьочку я опоздал со своими прорывами. Вот буквально чутьочку...

.

Глава 9

Павел

То, что я вижу на экране вместо расписания, уже само по себе прорыв.

Хотя нет.

Какой там прорыв.

Это революция.

И, я бы сказал, довольно успешная.

Презентация закольцована, и стартовый слайд торжественно сообщает:

«Обновленный рейтинг учеников с учетом доработанной альтернативной шкалы!»

Альтернативная шкала.

Слышал о ней.

Администрация школы решила учитывать не только оценки, но и, как выразилась Елена Степановна, «всесторонний образ лицеиста». По ее версии, это должно было помочь ребятам просто умным, а не выдающимся, самоутвердиться в коллективе.

Ну-ну!

Не знаю кто, но кто-то тут явно самоутверждается.

«По показателям дисциплины первое место уверенно занимает Л. Н. Толстой (граф). Бюст на лестнице.

Всегда серьезен.

Внимает речам педагогов с должным уважением».

И это, в общем-то, не очень смешно.

Если бы не второе место.

А на втором:

«Максим Горький (А. М. Пешков), статуя в холле. Выполнена в полный рост.

Также серьезен. Также уважителен, но имеет руки, а значит, потенциально деструктивен».

По толпе школьников прокатывается первая настоящая волна смеха.

С разных концов коридора подтягиваются новые зрители. Кто-то встает на цыпочки, кто-то протискивается ближе, кто-то уже заранее хохочет, хотя еще не дочитал.

Вопрос, как я понимаю, для них животрепещущий.

Я смотрю на лица детей и вдруг понимаю, сколько же у меня сразу возникает вопросов к этой самой альтернативной шкале.

Третий слайд не подводит:

«По показателям лояльности к администрации уверенное лидерство удерживает кот Пашет.

За умение подлизываться, вылизываться и всегда получать добавку».

И вот тут коридор просто взрывается.

Нет, фотография кота, конечно, замечательная. Морда в чем-то томатном, взгляд сытый, усы в борще, выражение глаз торжествующее.

Но смеются дети явно не из-за кота.

Кота они и так видят каждый день.

А вот сказать вслух про «показатель лояльности» им, похоже, хотелось давно.

Все.

Я только начинаю прикидывать, что именно скажу директрисе по поводу этого маленького, но очень точного социального взрыва, как в коридоре возникает кто-то из секретарей.

– Кто посмел?! – визжит она.

Поворачивается, видит меня, бледнеет, вздрагивает и кидается к экрану.

– Отключить немедленно! – она подпрыгивает под монитором, как будто надеется выключить его силой административного возмущения. – Евгений Дмитриевич! Где пульт?

– А разве это не с ваших компьютеров транслируется? – максимально спокойно спрашиваю. – Я думал, это проект какого-то класса.

Оставляю ей возможность сохранить лицо.

– Нет! – выкрикивает она. И тут же понимает, что сказала лишнее. – Да! То есть... проект! Просто еще не закончен!

– Нету пульта! – слышу орет охранник откуда-то из глубины коридора.

– Несите стремянку! – взвизгивает секретарь.

Розетка высоко. Телевизор под самым потолком. Без лестницы туда не добраться.

Удобно.

Очень.

И пока они организуют спасательную операцию против собственного школьного рейтинга, на экран выплывает следующий слайд.

«Участие в общественной жизни школы:

Шторы в актовом зале.

Видели все, но до сих пор держатся».

Дети уже не смеются.

Они ржут. Взахлеб.

Какой-то мальчишка, кажется, даже икать начал.

Следом:

«Поведение на уроке:

1 место – скелет Аркадий из кабинета биологии.

Не шалит, не шумит, слушает учителя.

2 место – глобус из кабинета географии.

Мог бы быть первым, но постоянно вертится».

– Да где же ваша стремянка! – уже не стесняясь меня, истерит секретарша.

В коридор подтягиваются учителя.

Пожилой мужчина смотрит на экран добрым взглядом и едва заметно улыбается в усы.

Молодая красивая преподавательница в строгом костюме держит лицо, но по глазам видно: согласна почти со всем.

Низенькая полная женщина средних лет задумчиво бормочет себе под нос:

– А почему только Паштет? Муська не хуже подлизывается.

И тут в коридор влетает Ираида Львовна.

Бледная.

С красными пятнами на щеках и шее.

– Кто? Кто посмел?! Отчислю! Я... выключить!

И тут я не выдерживаю.

– Подождите, подождите, – поднимаю руку, словно ученик с задней парты. – Можно я досмотрю? Мне очень интересно.

И невинно вскидываю брови.

Ираида замирает.

Губы у нее дрожат.

Она тянет свой шейный платок, словно он вдруг превратился в удавку.

Ноги у нее подкашиваются.

Она медленно, не сводя с меня взгляда, оседает на лавку в коридоре.

А на экране появляется следующий слайд:

**«По совокупности признаков в рейтинге лидирует –
Лизонька Краснова!»**

На экране появляется фотография красивой девочки с совершенно постановочной улыбкой.

Хоть сейчас в ленту светских новостей.

И мне кажется, что я уже видел это лицо. Эта девочка и правда где-то мелькала – в награждениях, в отчетах.

А текст под фото продолжает:

«Не победила ни по одному показателю, но совершенно точно лучшая, как считает ее папа-депутат».

Смех в коридоре стихает.

Но детские глаза вспыхивают.

Злостью.

Иронией.

Тем редким видом насмешки, который рождается только там, где давно накопилось.

Да.

Я же говорил.

Не шалость.

Революция.

– Воды! – хрипит Ираида, которая не может этого не видеть. – Что за звери это сделали?! Это травля! Бедная Лизонька! Боже, дайте воды!

И она заламывает руки, чуть откидывается назад, внимательно глядя, бросились ли ее поддерживать.

Шоу окончено.

На экране снова выскакивает первый слайд.

Дети, тихо перешептываясь, расходятся.

А я оборачиваюсь.

Нет. Их тут нет.

Делаю шаг в сторону по коридору...

Нет. Стоп.

Они должны были это видеть.

Раздевалка.

Точно.

Вон среди курток мелькнуло что-то рыжее.

– Маша, Даша! – окликаю я громко.

Из-за ряда курток и дождевиков тут же высовываются два конопатых носа.

Смотрят на меня настороженно. Чуть виновато, но с таким откровенным любопытством, что хоть сейчас в рамочку и на стену.

А я...

Ну что я?

Молча дергаю подбородком в сторону малого актового зала.

– За мной, Козетты. Обсудим вашу революцию.

.

Глава 10

Павел

– Так!

Захлопываю дверь малого зала, опускаю лицо, упираю руки в бедра.

– За исполнение пять, за идею два! – рывкаю так, что мои юные революционерки аж вздрагивают.

– Кто додумался? Вы же себя по полной подставили! – чувствую, что повышаю тон, но остановиться уже не могу. – Там Ираида ваша Львовна сейчас в обморок грохнется, и администрация такую охоту на ведьм устроит, что мало не покажется! Мне что, для вас отдельную школу создавать?!

Злюсь. Дико.

Не на самую выходку – черт с ней, выходка талантливая.

На безрассудство.

На то, что две эти гениальные козявки не понимают, как быстро взрослые, лишённые чувства меры, умеют превращать смешное в опасное.

И ровно в этот момент дверь приоткрывается, и всовывается голова запыхавшейся секретарши:

– Павел... Простите... Андреевич, – она прижимает руку к груди. – Там Ираида Львовна... Там...

– Что? – меня бросает в холод.

И от мыслей, что немолодой женщине и правда может стать плохо, и от понимания, чем это грозит двум девчонкам.

– Скорую вызвали! – выдыхает секретарша и ровно в этот момент кривится, и из глаз ее брызжут слезы.

Да что б вас! Всех! Вместе и по отдельности!

Распахиваю дверь, практически выбегаю назад в холл.

Там уже суетится экипаж скорой. Ираида все на той же лавочке.

Голова запрокинута, пальцы прижимает к виску...

В воздухе вокруг нее витает паника, страх и сочувствие.

Я делаю шаг ближе и тут же понимаю.

Нет.

Нет, моя дорогая. Не сейчас.

Голос ее дрожит, но... Движения плавные, взгляд мученический, и при этом платок на шее аккуратно уложен, прическа поправлена... Она, кажется, даже поворачивается к публике исключительно левой стороной лица. Вероятно, считает, что этот ракурс лучше.

Как там тетюшка учила меня общаться с девицами? Если дама грохнулась в обморок и при этом красивая, то это не обморок.

Так вот. Ираида красивая.

Я могу быть каким угодно циником, но никаким приступом, инфарктом или инсультом тут и близко не пахнет.

– Давление сто двадцать четыре на восемьдесят два, пульс восемьдесят, – растерянно объявляет девушка-фельдшер.

– Хорошие у тебя таблетки, Аллочка, – натянуто улыбается Ираида секретарше, слабо приподнимая руку.

Угу. Таблетки. Как же!

– Ну, – хмурится вызванная медик, – учитывая возраст, я бы все-таки предложила госпитализацию. Хотя бы ради диагностики.

– Да, – дрожащим голосом отзывается Ираида, – кто-нибудь, сообщите моей семье... – просит она, несмотря на то, что сама в руках сжимает телефон.

Ее придерживают за руки, ей накидывают пальто на плечи, ее ведут всей учительской...

А я стою, упревая подбородок в пальцы, и понимаю, что мне теперь надо будет вместо увольнения премию ей выписывать...

Черт!

Как же умно! И как же не вовремя!

Волна досады накрывает меня, но...

Я тут же понимаю, как мне ее убрать отсюда.

– Ираида Львовна, пожалуйста, – делаю я шаг вперед. – Я оплачу вам все лечение, больничный и настаиваю на полноценном восстановлении. Дом отдыха или пансионат, – быстро выставляю ладонь вперед. – Пожалуйста, не отказывайтесь!

Ираида Львовна слабо улыбается, коллектив одобрительно гудит.

А я думаю, что это, в общем-то, не хуже увольнения. В школе-то ее не будет! А значит, я смогу спасти этих рыжих козявок.

Ну, или учредить для них новую школу.

Даша

Что?!

Это как?

В смысле Ираиде санаторий?

То есть она тут еще и победительница?

Умнов не заметил, что мы пошли за ним.

А мы тут.

Все видим. Все слышим.

Она же притворяется! Ежу понятно, что притворяется!

Надо ему сказать.

Смотрю на Машку, а та так вцепилась в мою руку, будто сейчас ее оторвут от меня вместе с рукавом.

– Блин, ну ты чего?

И она взглядом показывает куда-то мне за спину.

Ешки-кошки!

Елена Степановна.

Вот тебе и добрая директриса.

Летит к Умнову так, будто сейчас будет не разговор, а приговор.

Глаза горят, дышит тяжело, губы сжаты.

И что-то мне подсказывает: если тут и начнут строить баррикады, то против нас.

Машка сразу сжимается.

Да и мне, если честно, хочется исчезнуть.

Оглядываюсь.

Ну вот же.

Проверенное место.

– Быстро, – шепчу Машке и утаскиваю ее в куртки.

Раздевалка всегда спасает. Место отличное: если правильно влезть между дождевиками и длинным пальто, нас не видно вовсе. А вот мы все слышим и кое-что даже видим.

– Павел Андреевич, – начинает Елена Степановна, не замечая нас, – я знаю, что вы не одобряете происходящее, но считаю, что Ираида Львовна была права, когда ставила вопрос об отчислении.

Ой-ей!

Вот это уже по-настоящему плохо.
Как мы маме это скажем?
Но Умнов не отвечает сразу.
Только кашляет.
Будто ему в горло попало что-то очень неподходящее.
Например, дурацкое слово.
А потом говорит так спокойно, что мне даже страшно становится:
– Простите, Елена Степановна, о ком именно идет речь?
Я моргаю.
В смысле?
Он что, правда не понял?
И тут я вижу Машкин взгляд.
Она чуть не светится от восторга.
– О Петровых, разумеется, – говорит директриса уже менее уверенно.
– О Петровых? – переспрашивает Умнов с таким вежливым удивлением, будто речь идет о ком-то, кого он сегодня вообще не встречал. – О девочках? Странно. А я их в коридоре не видел.
Машка рядом со мной почти перестает дышать.
– Это не имеет значения, видели вы их или нет, – быстро говорит Елена Степановна. – Это они.
– Да? – Умнов чуть склоняет голову. – У вас есть доказательства?
И вот тут директор как-то очень заметно сбивается.
– Д-доказательства?..
– Да, – все так же спокойно подтверждает он. – Доказательства. Насколько я понимаю, вы говорите о дисциплинарных мерах. Следовательно, должны быть основания, не предположения.
У меня внутри аж что-то подпрыгивает.
Он же сам знает! Он же нас отловил! Но не сдает! Защищает!
– А кто еще мог так... переработать рейтинг? – пытается вернуть уверенность Елена Степановна.
– Судя по реакции детей в коридоре, – произносит Умнов ровно, – это мог сделать любой здравомыслящий ученик.
И вот тут директор бледнеет.
Не сильно.
Но достаточно, чтобы я заметила даже из-за курток.
– Кто вообще утвердил эти показатели? – продолжает Умнов. – Я не помню, чтобы мне презентовали шкалу, где учитываются деструктивность и, – он делает маленькую паузу, – лояльность.
– Это... обсуждалось... – Елена Степановна быстро оглядывается в сторону, куда увел Ираиду Львовну. – Это решение педагогического коллектива.
– Всего? – мягко уточняет Умнов.
И в этом «всего» почему-то столько всего, что у меня даже спина выпрямляется.
Директор молчит.
А Умнов уже и не ждет ответа.
– Мне кажется, – говорит он, и голос у него остается все тем же спокойным, – здесь перепутали саму идею элитного образования. Мы не воспитываем детей элиты. Мы готовим будущую элиту. Прежде всего интеллектуальную.
Машка рядом со мной так сжимает мою ладонь, что я почти пишу.
Потому что да.

Потому что это он про нас сейчас.

Про нас!

– Рейтинг аннулировать, – продолжает Павел Андреевич. – Подход пересмотреть. До выяснения обстоятельств девочек Петровых не трогать. Разбирательство я проведу лично.

Не громко.

Не зло.

Но так, что даже мне понятно: это уже не просьба.

– Я все равно уже вызвала их мать, – словно оправдываясь, говорит Елена Степановна.

– И предупредила, что в противном случае материалы будут переданы в комиссию по делам несовершеннолетних.

Я слышу, как Машка рядом ахает.

А Умнов впервые за весь разговор меняется в лице.

Совсем чуть-чуть.

Но этого хватает.

– Угрожать талантливым ученикам административными мерами без доказательной базы – недопустимо, – произносит он таким ледяным тоном, что у меня аж бегут по рукам мурашки.

– Надеюсь, мы друг друга поняли.

Я аж вздрагиваю.

Потому что он сейчас не кричал.

Не стучал.

Не пугал.

Но Елена Степановна от его голоса стала ниже ростом. Я это прямо вижу.

Кажется, Умнов хочет сказать директрисе что-то еще, но тут входная дверь резко распахивается.

И в холл влетает наша мама.

.

Глава 11

Павел

Тяжелая дверь распахивается, чуть не ударяясь о стену.

Я машинально оборачиваюсь.

И на секунду у меня просто выключается звук.

Все вокруг продолжает двигаться: Елена Степановна что-то говорит, кто-то из учителей возвращается с улицы, в коридор выбегают с уроков дети...

Но до меня это все не доходит.

Потому что в холл влетает Олеся.

Олеся.

Моя Олеся.

Та самая Олеся.

Рыжая бестия, из-за которой я не спал ночами несколько лет. Из-за которой поклялся больше никогда не влюбляться. Из-за которой до сих внутри все пылает только от одного звука ее имени.

И первое, что я думаю, – совершенно не то, что должен был бы подумать взрослый, умный, собранный мужчина в моем положении.

А она почти не изменилась.

Нет, конечно, изменилась.

Повзрослела. Тонко. Изящно. Перестала быть девушкой, но стала женщиной.

Черты стали строже. Взгляд – глубже. Скулы – резче. И эта ее рыжина больше не была беззаботным огнем студенческой девчонки. Теперь в ней было что-то благородное. Медное. Горьковатое.

Но это была она.

Та же стремительность в движении.

Та же открытость взгляда в первую секунду.

Те же губы – чуть приоткрытые, будто она не успела договорить с ветром на бегу.

И те же глаза.

Господи!

Те же глаза.

Меня будто бьет током от макушки до пяток. Искры разлетаются, оставляя мириады мурашек по всей коже.

Олеся.

Это совершенно точно она.

Моя первая любовь резко останавливается.

Видит сначала директрису.

Потом меня.

И застывает.

Вот прямо вся.

С открытым ртом. С расширенными глазами. С рукой, которой она, кажется, собиралась поправить сумку на плече и так и не успела.

Я знаю это лицо.

Знаю это выражение.

Так она смотрела на меня десять лет назад, когда я сказал ей, что мы все равно никогда не найдем общий язык. Я физик, она лирик. Нам не по пути. Мы разные.

Да. Я так сказал.

Я совершенно искренне так считал.

Придурок.
И ровно в эту секунду меня накрывает.
Не догадкой.
Не сомнением.
Совершенно четким пониманием.
Это их мать.
Воздух из легких будто вышибает.
Я смотрю на нее.
Потом – туда, где только что прятались девочки.
Потом снова на нее.
И дальше мое сознание делает то, что делало всегда, когда эмоции пытались меня утопить.
Начинает считать.
Возраст.
Сроки.
Годы.
Рыжие математические гении.
Отчества прочерком.
Петровы.
Олеся Петрова.
Десять лет.
Десять чертовых лет!
У меня на секунду темнеет в глазах.
Потому что я умею считать.
И очень хорошо умею.
– Олеся Юрьевна! – доносится до меня голос Елены Степановны, как будто из-под воды.
– Наконец-то! Я уже объясняла по телефону, ваши девочки...
Этого хватает.
Шансов на ошибку больше нет.
Я делаю шаг вперед.
Потом еще один.
И прежде чем директриса успевает окончательно превратить эту встречу в школьное разбирательство, беру ситуацию в свои руки.
– Елена Степановна, – произношу я так, что она немедленно замолкает. – Оставьте нас.
Она моргает.
– Но Павел Андреевич...
– Пожалуйста.
Наверное, в моем голосе оказывается что-то такое, чего там обычно не бывает. Потому что она отступает мгновенно.
А я уже рядом с Олесей.
Слишком рядом.
Слишком быстро.
Она все еще смотрит на меня так, будто не решила, что страшнее: то, что я здесь, или то, что ей рассказали про девочек.
– Идем, – говорю коротко.
Не спрашиваю.
Не прошу.
Просто беру ее под локоть и увожу в сторону – библиотека, малый зал... Мне сюда. Раскрываю дверь, завожу ее практически силком.

Олеся вырывает руку почти сразу.

Резко.

– Не трогай меня.

Голос тихий.

Но в нем столько страсти, что я на секунду почти улыбаюсь.

Почти.

Потому что меня трясет так, что улыбаться я сейчас не в состоянии.

Я смотрю на нее сверху вниз.

Она тяжело дышит.

Щеки вспыхнули.

Глаза огромные.

И если бы я не знал Олеся так хорошо, я бы подумал, что она просто испугана.

Но я знаю.

Она не просто испугана.

Она в ужасе.

И от этого внутри у меня поднимается что-то темное. Очень тяжелое.

– Это твои дочери? – спрашиваю я.

Олеся молчит.

Только ресницы дрогнули.

– И им по десять лет? – продолжаю я уже тише.

Она все так же молчит.

Я медленно выдыхаю.

Очень медленно.

Собирая себя по кускам.

Потому что если не соберу, то сейчас либо начну орать, либо сделаю что-нибудь еще глупее.

– Олеся, – произношу я наконец. – Вот только не смей мне врать.

Она поднимает подбородок.

Упрямо.

Как всегда.

Как в тот день, когда ушла, не оглянувшись.

А я собираю все свои силы и все же выдыхаю тот вопрос, который раздирает меня изнутри:

– Кто их отец?

.

Олес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.